

МЕТОДОЛОГІЯ ТЕОРІЇ І ПРАКТИКИ ЮРИСПРУДЕНЦІЇ

УДК 340.112

А. Овчинникова,
доктор искусствоведения, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

КОНЦЕПТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

Формирование современной методологии постижения права требует учета множественности его природы и несводимости к одному понятию, даже предельно широкому. С этих позиций плюрализм как определяющий принцип философско-правового и общетеоретического дискурсов имеет своей целью показать гносеологическую множественность самого понятия права. Именно поэтому высказывается мнение, что разные юридические категории, используемые для отображения правовой сферы, различаются не столько содержанием и объемом, сколько сферой применения. Так, С.И. Максимов утверждает, что категория «правовая система» типична для общетеоретической рефлексии права, в то время как категория «правовая реальность» в большей степени свойственна философско-правовому дискурсу [1].

Между тем неизменно актуальным остается вопрос категориального статуса правовой культуры. При всем разнообразии подходов к этому фундаментальному феномену правовой жизни любого общества следует констатировать, что проблема его содержательно-наполнения, функционирования, теоретического и философско-правового осмысления остается открытой. Причина такого неугасающего интереса к правовой культуре определяется тем,

что она выступает прежде всего как интересующая сфера человеческой жизни, предстает в качестве системы концептов как особых смыслов, образующих грани между правовыми и неправовыми рефлексиями.

Таким образом, цель представленной статьи – выявить систему концептов правовой культуры, чтобы раскрыть ее содержание не с помощью структурно-функционального анализа, а с позиций феноменологического видения права.

Анализ публикаций по данной проблематике демонстрирует, что вопрос о концептах как основных содержательных элементах правовой культуры в юридической литературе не ставится. В то же время косвенно вопросам существования в правовой культуре некоторых смысловых сгустков посвятили свои работы С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко, А.В. Поляков, В.П. Сальников, С.Р. Станик и другие ученые.

Право как сложный культурный феномен существует в различных пластах, уровнях и структурных срезах общественной реальности. Однако можно согласиться с утверждением, что право существует в форме не объективной реальности, а интересующей, так как главнейшая черта любых культурных явлений состоит в их выражении в языке как «сим-

волической формы» [2]. Именно языковые аспекты правовой реальности делают ее подвижной в плане культуры и человеческого сознания, так как любое изменение культурного «фона» действия права неизбежно приводит к переосмыслению его функций, предназначения и общей направленности. Обязательная включенность права в общественную культуру является показателем общего уровня интегрированности общества и определяет, в частности, специфику языка права и построения правовой системы.

Этот ракурс проблемы правовой онтологии в философии права рассматривается в связи с феноменом правовой культуры как некоей идеальной интересубъектной юридической среды существования людей. Как отмечает А.В. Поляков, правовая культура – это суммативный продукт процесса правовой коммуникации и одновременно условие ее бытия [3]. Между тем в современной юриспруденции рассмотрение вопросов правовой культуры обычно сводится к анализу ее структуры и содержания, реже – к поиску выполняемых ею функций. Отход от структуралистского восприятия правовой культуры в современной философии права чаще всего связывают с информационно-семиотическим подходом к праву.

В рамках информационно-семиотического подхода к правовой культуре она понимается как сфера идеального, то есть включающего в себя и сущее, и должное, все продукты правового творчества людей и общества: символов, идей, смыслов, в соответствии с которыми складывается отношение человека к действительности, выстраивается правовое бытие общества. Таким образом, фундаментом информационно-семиотического подхода к правовой культуре служит утверждение, что она воплощает средства, способы и результаты человеческой и общественной деятельности в правовой сфере [4].

Ключевым объектом анализа правовой культуры с точки зрения ее инфор-

мационно-семиотической концепции выступает артефакт. Под артефактами правовой культуры рассматриваются феномены, которые созданы человеком и обществом в правовой сфере: от чувств до предметов, средств и способов деятельности. При этом артефакты находятся не только вне человека, но и имплицитно функционируют в нем, именно из них индивид черпает смыслы, мотивы и значения своего правового поведения. Правовая культура, таким образом, – это одновременно мир смыслов, которые человек вкладывает в свое сознание и поведение. Еще один срез правовой культуры в рамках информационно-семиотического подхода – это мир знаков. В правовой сфере функционируют прежде всего такие знаки как правовые акты.

Информационно-семиотическая концепция культуры выработана и берет свое начало от работ известного лингвиста и культуролога Р.О. Якобсона [5]. Исходя из его идей, необходимыми составляющими знаковой ситуации выступают адресант (лицо, передающее информацию), адресат (лицо, получающее информацию), сообщение, текст (знаковое средство, которое содержит код) и код (определенная система правил, которая позволяет интерпретировать информацию). Сегодня концепция Р.О. Якобсона оказывает существенное влияние на понимание правовой культуры, которая все чаще начинает восприниматься как правовая информация (совокупность регулятивов, ценностей и знаний в сфере правовой реальности), которая накапливается, сохраняется и передается в обществе посредством создаваемых людьми знаковых систем.

Таким образом, правовая культура представляет собой сложную подвижную коммуникативную систему, которая тесно интегрирована в общую социальную культуру. Будучи целенаправленной, как и любая другая коммуникативная система, она полностью в своей внутренней организации и функционировании определяется це-

лю. Адресантом и адресатом могут выступать любые субъекты в правовой сфере, содержание сообщения при этом может рассматриваться как субъективное право, мера должного поведения, юридическая обязанность. Тексты рассматриваются как правовые акты, в которых эти права и обязанности сформулированы, а также иные юридически значимые тексты – артефакты, к которым могут быть отнесены не только действия, документы, события и ситуации правового характера, но и все, что так или иначе служит средством трансляции культурных кодов (это могут быть и литературные произведения, и кинематограф, и фольклор).

Такой взгляд на правовую культуру позволяет также показать ее погруженность в общий контекст культуры, поскольку средствами отображения правовой культуры становятся не только юридические тексты, но и тексты художественного типа; информационно-семиотическая концепция приближает правовую культуру к ее феноменологическому восприятию, так как ее коммуникативная составляющая становится доминирующей.

Однако представляется, что ключевая проблема информационно-семиотической концепции правовой культуры и культурологического подхода к праву в целом выражается в отсутствии внятного объяснения, каким образом происходит трансляция правовых смыслов, сосредоточенных в правовой культуре, в какой непосредственной форме они существуют, как истолковываются и переживаются субъектами права. Здесь возможный выход состоит в поиске тех универсалий, предельно общих понятий, система которых обеспечивает правовой культуре целостность и одновременно глубокую субъективность. Именно здесь актуальным является рассмотрение правовой культуры сквозь призму ее концептов.

Для выявления содержания, структуры и функций концептов правовой культуры следует определиться с пониманием самих «концептов». В фи-

лософской литературе распространено убеждение, что понятие и концепт – это не тождественные элементы сознания. Так, Ж. Делез и Ф. Гваттари указывают, что понятие недостаточно для отображения структур человеческого мышления, так как они существуют прежде всего в сфере логического, рационального. Между тем часто понятие «перерастает» само себя, обретает новые смыслы и интерпретации, нередко отличные от первоначальных [6]. Эту мысль развивает Ю.С. Степанов, утверждая: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7]. Таким образом, концепт – это понятие, расширенное в результате его существования в общественной среде, в непрерывной череде интерпретаций. Понятие без такого расширения – это предмет логики.

Такое восприятие концептов наводит на мысль, что постижение правовой культуры возможно лишь сквозь призму выстраивания их системы, нанизывания новых смыслов. То есть если понятия определяются, то концепты переживаются, охватывая не только логическое содержание, но и аспекты их научных, психологических, художественных, эмоциональных, различных бытовых ситуативных интерпретаций. В то же время концепты предельно минимальны и просты, поскольку человек не в состоянии усваивать большие моменты информации в короткий период времени. С этой точки зрения концепты культуры – это некие «точки доступа» к платам ассоциаций и интерпретаций, они составляют, по выражению Ю.С. Степанова, «тонкую пленку цивилизации».

Как справедливо отмечал выдающийся американский социолог российского происхождения П. Сорокин в своей известной монографии «Общество, куль-

тура и личность», правовая культура является элементом одновременно нескольких типов систем идеологической культуры общества [8]. Эта мысль показывает несостоятельность многих современных теорий о рассмотрении правовой культуры как сугубо юридического феномена. Представляется, что именно за счет существования особых концептов правовая культура выходит далеко за пределы правового мышления и определяет мировоззрение современного человека как целостную систему взглядов, убеждений и ценностей. Продолжая эту идею, можно привести суждение Л. Витгенштейна: «Человеческий взгляд обладает способностью наделять предметы ценностью; при этом они становятся куда дороже, поскольку добро лежит вне пространства фактов» [9]. Это значит, что любая ценность, положенная в основание концепта правовой культуры, изначально не подлежит позитивистскому анализу.

Отсутствие возможностей для позитивистского анализа концептов закономерно выводит на проблему их феноменологического истолкования, так как именно феноменология правовой культуры, как представляется, является наиболее перспективным направлением осмысления культурологических аспектов современного права. Исследуя феноменологический метод Э. Гуссерля в контексте онтологических проблем, И.В. Шамша приходит к выводу, что отличительной чертой феноменов является то, что они не просто выступают частями реальности, а являются одновременно и способом ее познания. Феномен, таким образом, познается не только рационально, но и чувственно [10]. По мнению М.К. Мамардашвили, само бытие феномена подразумевает его ценностный параметр. Он пишет, что феномен – это нечто, имеющее онтологическое существование как значимость, в отличие от явления, для которого значимость не имеет никакого смысла [11].

И действительно, структура концептов правовой культуры предполагает

их рассмотрение как многослойных феноменов, когда на каждом новом шаге постижения их смысла раскрываются все новые интерпретации. Поверхностным слоем концепта выступает его буквальное содержание. Например, если обратиться к такому концепту как закон, то его буквальное содержание выражено в понятии (закон – это официальный акт-документ, принятый законодательным органом государства в соответствии с определенной процедурой и регулирующий наиболее важные сферы общественной жизни). На этом уровне концепт правовой культуры фактически тождествен понятию.

Как пишет С.П. Кравченко, правовые понятия структурно и содержательно выражаются в языковых формах определения, суждения, свернутого суждения и т. д. Используя семантические и синтаксические характеристики правовых понятий, можно выявить их соотносимость с фактами и умозаключениями – двумя наиболее важными элементами их структуры. При этом прагматика правовых понятий выводит на их использование как терминов в пределах той или иной правовой теории, правовой системы, правовой ситуации [12]. То есть существование концептов правовой культуры на уровне понятий ведет к их прагматизации, то есть к включению в профессиональный юридический язык.

Следующим слоем концепта является пассивный, или исторический. Этот слой концепта имеет две основные характеристики. Во-первых, он находит свое выражение в коллективном бессознательном, существует в латентной сфере мышления. Во-вторых, здесь важна историческая память о концепте. Так, продолжая рассмотрение концепта «закон», важно обратить внимание на свойственное украинцам пренебрежительное отношение к законодательству как обслуживающему интересы власть имущих. Это пассивное восприятие

концепта уходит корнями в гиперактивную законотворческую деятельность в 90-е годы прошлого века, что привело к возникновению большого числа нормативных коллизий и низкому качеству законов, в которых всегда присутствовали лазейки для широких интерпретаций.

Пассивный слой концепта правовой культуры определяется также особыми стереотипными формами правового мышления. Стереотипный уровень восприятия концептов правовой культуры отражает наиболее типичные, привычные, актуальные ценности и убеждения. Однако стереотипность этого уровня оказывается прежде всего в том, что субъект всегда действует ситуативно и локально, и в своих оценках и ценностном осмыслении всегда заранее ориентирован на ту или иную систему ценностей: в его сознании всегда существует некоторый масштаб приемлемого поведения, адекватной той или иной правовой ситуации. Ориентация на те или иные ценностные стереотипы происходит в контексте личной культуры человека. Именно от его ценностного отношения к формам своего бытия (социального, культурного, политического и т. д.) зависит личностная иерархия ценностей: от того, какой смысл он вкладывает в понятие природы, общества, культуры и человека, какими функциями их наделяет и какие видит между ними взаимосвязи и общие закономерности развития как отдельных частей сложной системы бытия, так и ее целостности [13].

Впрочем, наибольший интерес представляет активный (или актуальный) слой концепта правовой культуры. В нем находят свое выражение культурные коннотации концепта в той социальной ситуации, которая характеризует его наличное бытие. Для активного слоя концепта наиболее характерными являются уже не апелляции к традиции, а поиск новаций в постижении правовых смыслов. Продолжая рассмотрение концепта «закон» в контексте его активного слоя,

можно обратить внимание на то, что современные исследователи конституируют «текучесть» догмы права, ее подвижность и склонность к ситуативным трансформациям [14]. Потеря догмой права своей устойчивости означает кризис современной правовой нормативности. Этот кризис называют также инфляцией права, которая выражена в несоответствии количества правовых нормативов социальным потребностям человека и общества, когда количество нормативно-правовых актов переходит все разумные пределы. Кризис нормативности ведет к потере легитимности и игнорированию общеобязательности законов. Эти процессы определяют актуальное содержание концепта «закон» в современной правовой культуре.

Таким образом, структуру концепта правовой культуры можно представить с точки зрения соединения понятийного, пассивного (исторического) и активного (актуального) элементов, каждый из которых раскрывает новые грани бытия концепта. При этом содержательную сторону концептов правовой культуры составляют смысловые и ценностные аспекты правового бытия. Иными словами, правовая культура, рассмотренная как система концептов, предстает в качестве каркаса глубинной структуры правовой сферы, определяя место права в общем контексте культуры, способы и схемы правового мышления, а также восприятие ключевых правовых институтов и норм. Можно заключить, что рассмотрение правовой культуры сквозь призму ее концептов – это актуальный и методологически перспективный путь постижения права с позиций его феноменологической природы. Именно в контексте правовой культуры как важнейшего элемента интерсубъективной реальности права получают свое выражение те смыслы, которые определяют его форму, содержание и действие.

Ключевые слова: методология правовой культуры, правовая культура, культурное измерение права, концепты правовой культуры.

В статье предложено рассматривать правовую культуру как систему концептов. С позиций информационно-семиотического подхода к правовой культуре, концепты выступают в качестве трансляторов правовых ценностей, смыслов и идей. Структуру концепта правовой культуры составляют понятийные, пассивные (исторические) и активные (актуальные) элементы, которые одновременно определяют уровни осмысления концептов. Содержание концептов правовой культуры составляют понятия, стереотипы и ценности, существующие в правовой сфере.

У статті запропоновано розглядати правову культуру як систему концептів. Із позицій інформаційно-семіотичного підходу до правової культури концепти виступають як транслятори правових цінностей, смислів та ідей. Структуру концепту правової культури становлять понятійні, пасивні (історичні) та активні (актуальні) елементи, які одночасно визначають рівні осмислення концептів. Зміст концептів правової культури становлять поняття, стереотипи та цінності, що існують у правовій сфері.

The article deals with understanding of the legal culture as a system of concepts. From the standpoint of informative-semiotic approach to the legal culture, concepts are used as translators of legal values, means and ideas. The structure of legal concept includes notion, passive (historical) and active (actual) elements, which also determine levels of comprehending of concepts. The content of concepts includes notion, stereotypes and values of legal sphere.

Литература

1. Максимов С.И. Правовая реальность. Опыт философского осмысления : моногра-

фия / С.И. Максимов. – Х. : Право, 2002. – С. 14.

2. Кассирер Э. Понятие символической формы в структуре наук о духе / Э. Кассирер // Культурология XX век. – 1998. – № 11. – С. 37–66.

3. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций / А.В. Поляков. – 2-е изд. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 450.

4. Оборотов Ю.Н. Теория государства и права. Прагматический курс : экзаменац. справ. / Ю.Н. Оборотов. – Одесса : Юридическая литература, 2006. – С. 54.

5. Jakobson R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Style and Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1964. – 212 p.

6. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М. : Мысль, 1998. – С. 112.

7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 43.

8. Сорокин П. Общество, культура и личность: их структура и динамика; система общей социологии / П. Сорокин. – М. : АСТ ; Хранитель, 2000. – С. 108.

9. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн ; пер. с англ. Л. Добросельского. – М. : АСТ ; Астрель, 2010. – С. 23, 26.

10. Шамша І. Суперечливість буття як джерело філософського мислення : монографія / І. Шамша. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 126.

11. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. Мамардашвили. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2010. – С. 42.

12. Кравченко С.П. Мовний простір права // Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції : монографія / Ю.М. Оборотов, В.В. Завальнюк, В.В. Дудченко та ін. ; За ред. Ю.М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 94.

13. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс : монография / К.В. Горобец. – Одесса : Феникс, 2013. – С. 143–144.

14. Оборотов Ю.Н. Традиции и новации в правовом развитии : монография / Ю.Н. Оборотов. – Одесса : Юридическая литература, 2001. – С. 13.